

УДК 81'37

Ш. И. Нургожина¹, А. Б. Умуртаева², Г. Х. Исенгалиева³¹д. ф. н. профессор, ^{2,3}ст. преподаватели Казахского национального университета

им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

e-mail: sholpannurgozhina@gmail.com; bakchievna@mail.ru**К вопросу о форме интерактов и критерии их классификации**

В статье рассматривается классификация вербальных интерактов, которая тесно смыкается с общей теорией речевых актов. При этом используются разработанные в ней концепции структуры и функции речевой деятельности. Даются различные дефиниции интеракта. Типологическая характеристика вербальных интерактов исходит из сравнительного изучения их структурных и функциональных свойств, поскольку ее предметом является речевое действие, рассматриваемое сквозь призму их социальных функций и сфер употребления, а также внутренняя организация интеракта как системы. Рассматриваются специфические черты интеракта. Проведенное краткое исследование некоторых особых типов речевого взаимодействия позволяет выделить ряд критериев, которые могут послужить отправной базой для построения типологии интерактов.

Анализируются ситуации, при которых могут появиться коммуникативные сбои, и указываются пути их преодоления. В заключение отмечается, что исследуемые категории, как и всякие другие теоретические построения, носят в определенной мере абстрактный и «идеальный» характер, и потому они никогда не реализуются в чистом виде в эмпирической реальности.

Ключевые слова: вербальный интеракт, экзولينгвокоммуникация, «бескорыстный» и нефинализованный характер, эндолингвистический разговор, характеристика места, цель.

Ш. И. Нургожина, А. Б. Умуртаева, Г. Х. Исенгалиева

Интеракт формасы туралы мәселеге және оларды классификациялау белгілері

Мақалада сөйлеу актілерінің жалпы теориясымен жақын қабысатын ауызша интерактілердің классификациясы қарастырылады. Сонымен бірге онда құрастырылған құрылым тұжырымдамасы мен сөйлеу қызметінің функциясы қолданылады. Интерактінің түрлі анықтамасы беріледі. Ауызша интерактілердің типологиялық сипаттамасы олардың құрылымдық және функционалдық ерекшелігінен шығады, себебі оның пәні олардың әлеуметтік функциялары мен қолдану аясының призмасы арқылы қарастырылатын сөйлеу қызметі, сондай-ақ интерактіні жүйе ретінде ішкі ұйымдастыру болып табылады. Интерактінің өзіндік белгілері қарастырылады. Сөйлеу әрекетестігінің кейбір ерекше типтеріне жүргізілген аздаған зерттеулер интерактілер типологиясын құру үшін басталған базасы болып қызмет ете алатын белгілердің бірқатарын көрсете алады.

Коммуникативтік іркілістер пайда болатын жағдайлар талданады және оларды болдырмау жолдары көрсетіледі. Қорытындыда зерттелетін категорияларда барлық басқа да теориялық құрылымдар сияқты белгілі шамада абстрактілі және «идеалды» өзгешелігі болатыны, сондықтан да олар ешқашан эмпирикалық шындықта таза күйінде іске аспайтыны беріледі.

Түйін сөздер: ауызша интеракт, экзولينгвокоммуникация, «риясыз» және аяқталмаған түр, эндолингвистикалық сөз, орын сипаттамасы, мақсат.

Sh. I. Nurgozhina, A. B. Umurtaeva, G. H. Isengalieva

To the question of interacts form and criteria of their classification

The classification of verbal interacts in the article which is closely aligned with the general theory of speech acts are considered. Whereby the concepts of structure developed in it and functions of speech activity are used. Various definitions of interacts are given. The typological characteristic of verbal interacts proceeds from the comparative studying of their structural and functional properties as its subject is the speech action considered in the format of their social functions and spheres of use, and also the internal organization of interact as a system. The peculiar features of interact are considered. The conducted short research of some special types of speech interaction allows to allocate a number of criteria which can form starting base for creation of typology interacts.

Situations at which there can be communicative failures are analyzed and the ways of their overcoming are pointed out. In the conclusion it is noted that studied categories, as well as any other theoretical constructions, carry abstract and "ideal" character and therefore they are never realized in pure form in empirical reality in a certain measure.

Key words: verbal interact, an eczolingvistic communication, the "disinterested" and not finalized character, endolingvistic conversation, the place characteristic, the purpose.

Классификация вербальных интерактов тесно смыкается с общей теорией речевых актов, используя разработанные в ней концепции структуры и функции речевой деятельности. При этом она должна базироваться на комплексе общих характеристик, свойственных интеракту, т.е. носить многоаспектный, многопризнаковый характер, что дает возможность строить более дробную и гибкую таксономию. Иначе говоря, типологическая характеристика вербальных интерактов исходит из сравнительного изучения их структурных и функциональных свойств, поскольку ее предметом является речевое действие, рассматриваемое сквозь призму их социальных функций и сфер употребления, а также внутренняя организация интеракта как системы. При этом она охватывает также формальные (в плане выражения) и контентивные (семантические категории) характеристики вербальных интерактов.

Описание типов вербальных интерактов целесообразно, по нашему мнению, начать с характеристики «разговора», представляющего собой самую общую и основную форму, в которой может выступать речевое взаимодействие. В лингвистической литературе иногда допускается расширительное толкование термина «разговор» превращает его в архилексему, вбирающую в себя всю гамму вербальных обменов, начиная от простой болтовни до переговоров в службе быта, коммерческих сделок, теоретических формул, пресс-конференций и других типов институционных интерактов [1а, 374-406].

Некорректность подобного толкования термина «разговор» (более приемлемо, на наш взгляд, вместо существительного использовать его адъективную деривацию – разговорный, – поскольку прилагательные обладают более широким смыслом по отношению к номинальной базе, и рассматривать в таком случае расширительное толкование «разговора» как результат обратной деривации от прилагательного очевидна, поскольку оно противоречит обычному применению этого понятия, как словесного обмена сведениями, мнениями и т.д. «Согласно практике социолингвистики, – считает Е. Гоффман, – разговор должен использоваться здесь как эквивалент словесного обмена, или встречи, где говорят. Поступая так, не принимают во внимание особый смысл, в котором этот термин имеет тенденцию использоваться в повседневной жизни, применение, которое

оправдывает, возможно, узкую, более ограниченную дефиницию» [2, 8-16].

Как видим, соглашаясь принять расширительное толкование значения термина «разговор», Е.Гоффман, вместе с тем, предлагает сложную дефиницию ограниченного и ординарного понимания этого термина. Если допустить, что «разговор» есть особый тип вербального интеракта, то его специфическими чертами могут быть:

а) непосредственный характер протекания во времени и в пространстве (расположение участников в пространстве, прямой контакт, незапланированные ответы);

б) фамильярный (неформальный) импровизированный, недоговорной (случайный в обычных обстоятельствах) характер. Разговор отличается от других форм интеракта тем, что ни одна из его составляющих – количество участников (оно может варьироваться в течении одного разговора, число их обычно ограничено), обсуждаемые темы (также вариабельны, зачастую неупорядочены), продолжительность самого обмена, а также отдельных его реплик, очередность высказываний – не фиксируется заранее. Все это определяется свободно, или по крайней мере, с минимальным принуждением;

в) «бескорыстный» и нефинализированный характер, тематическая разбросанность: разговор не имеет другой цели, кроме как поговорить [3, 18]. Этому же мнению придерживается и Л.П Якубинский [4, 27]. Эта дефиниция исключает из нашего сюжета, отмечают Синклер и Кулхард. Юридические допросы, и дипломатические или коммерческие переговоры, и церковные соборы, и даже научные конгрессы, поскольку они излишне многословны. Но она не исключает светский флирт, любовные беседы, несмотря на то, что их цели чаще всего бывают прозрачны [5, 27];

г) наконец, равный характер, даже если участники не обладают одинаковым статусом, они ведут себя в разговоре как равные. Они обладают одинаковым набором «прав и обязанностей», и располагаются, как и сюжеты, на одном уровне (даже если в течение разговора появятся и установятся некоторые неравенства в результате игры («маркеров мест»)).

Относительная расплывчатость и неорганизованность, характеризующие «разговор», обычно затрудняют задачу исследователя. И хотя в реальности так называемый фамильярный разговор, без всякого сомнения, является основной

формой интеракта, ряд исследователей предпочитает ему другой, более определенный его тип, который по определению Л.П. Якубинского характеризуется сравнительно быстрым обменом высказываниями, «когда каждый компонент обмена является репликой и одна реплика в высшей степени обусловлена другой; обмен происходит вне какого-нибудь предварительного обдумывания; компоненты не имеют особой заданности; в построении реплик нет ни какой предумышленной связанности и они в высшей степени кратки» [4, 26].

Ситуация выглядит несколько парадоксальной. Прежде всего «разговор» признается прототипом любого вербального интеракта (отсюда отмеченная выше полисемия термина «разговор»). В то же время эта гиперонимия объясняет предпочтительное положение, отдаваемое «разговору» в ансамбле вербальных интерактов.

По мнению Х. Сакса и др., «разговор должен рассматриваться как основная форма системы речевого общения [6, 7]. Отметим, что эти авторы употребляют термин «разговор» в узком смысле. «Разговор (.....), - по Баттеруорту, - явно парадигматический пример естественно случающейся речи», разговор есть явно прототипический вид использования языка, форма, в которой мы все впервые привыкаем к языку – матрица для освоения языка» [7, 318].

В рассматриваемой проблеме все больший интерес вызывает особое исследовательское поле, изучающее «экзолингвокоммуникацию», или иначе коммуникацию в ситуации контакта. Так, Ж.А.Альбер называет экзолингвистической коммуникацией любую конверсацию лицом к лицу, характеризующийся значительным расхождением между респективными лингвистическими репертуарами участников [8, 35]. Речь идет о коммуникации на иностранном языке; в чистом виде, однако, она ограничивается обычно ситуацией, когда один из двух говорящих не является носителем данного языка. Ситуация же, когда оба участника говорят на языке, который для них обоих в равной степени неродной, является исключением. При этом одни исследователи [8, 35] для обозначения данного явления используют термин «экзолингвистическая коммуникация», другие «ситуация контакта».

Отмеченная выше ситуация, вызванная расхождением между речевыми репертуарами, ставит перед участниками специфические задачи и приемы интеракта, которые отражаются

в их речи и которые подробно описаны в лингвистической литературе. Среди них так называемая «стратегия облегчения» [9, 35], включающая упрощения, авто и гетерокоррекции и другие типы «исправлений», парафразовые формулировки, оценки и метадискурсивные комментарии. Коммуникация в ситуации контакта требует также от участников большого напряжения и изобретательности в «фигурации» интеракта, поскольку иноязычный говорящий уже в начальный момент находится в неравном положении по отношению к говорящему на родном языке. Партнеры используют разнообразные приемы: иноязычный говорящий – с целью сохранения своего «лица», говорящий на родном языке – чтобы использовать преимущества своей позиции, что хорошо иллюстрируется в наблюдениях С.А.Щеглофф, где автокоррекция предпочтительнее гетерокоррекции. [16, 61-82]. На этой базе экзолингвистические разговоры можно разделить на «позитивные», когда два партнера сотрудничают для успеха разговора, и «негативные», когда говорящий на родном языке стремится использовать ситуацию для сохранения доминирования в интеракте. По описанию Е.Гюлиха, экзолингвистический разговор протекает следующим образом: «Превентивные операции иноязычного говорящего в виде самооценок часто мотивированы заботой «не потерять лица», соответствующие действия говорящего на родном языке способствуют в равной степени протезированию лица иноязычного говорящего и в то же время служат целям фигурации разговора. Переговаривающиеся устраиваются таким образом, чтобы избежать потери ритуального равновесия, особенно хрупкого в ситуации трудного разговора (.....). Вместе с тем, не только отсутствие сотрудничества, но и его избыток может легко усилить «высокую позицию» говорящего на родном языке и подвергнуть опасности «лицо» иноязычного говорящего» [10, 251].

Однако, каковы бы ни были усилия, прилагаемые с обеих сторон, всегда остается возможность (вероятность) возникновения коммуникативных проблем для говорящего на иностранном языке, что проявляется в виде недопониманий, провалов и других дискомфортных моментов. Ситуация конституционального неравенства участников становится еще более неизбежной, когда на лингвистическую несостоятельность иноязычного говорящего накладываются расхождения национально-культу-

турного характера двух партнеров. Как отмечает Э.Д. Сулейменова: «Речевое поведение регулируется в значительной мере национально-культурными традициями, поэтому в речевом поведении билингва на втором языке могут возникнуть ошибки...» [11,48]. Риск сбоя в коммуникации тем выше, чем глубже неравенство между говорящими. Последнее может стать угрозой даже для партнеров, говорящих на родном для них языке. Например, неравенства в компетенции может быть настолько глубоким, что оно неизбежно накладывает свой отпечаток на все «речевые события». Именно к таким ситуациям применяется на деле понятие экзولينгвистического разговора. Разумеется, это не исключает той истины, что любой разговор располагается на оси, связывающей два полюса – экзо и эндолингвистический [7, 80-81].

Как считает Ж.Ф. ди Пьетро, эндолингвистический разговор, т.е. разговор, свободный от любого кодического расхождения «между говорящими, является только «идеальной моделью» [12, 251]. Однако в реальности же разговор является в той или иной степени экзولينгвистическим и особенности его функционирования, которые отчетливо проявляются в разговорах между говорящими на родном языке и иноязычном говорящим, свойственны также некоторым типам конверсаций между говорящими на одном языке, например таким, как взрослый-ребенок, специалист-несведующий, врач-пациент ит.д.

Сказанное выше о «разговоре», как форме речевого общения, ставит проблему его отграничения от других родственных ему типов вербального интеракта. К примеру:

1. Соотношения между понятиями «разговор» и «диалог»;

2. «Разговор» и «дискуссия», а также «дебаты», «беседа», «интервью».

Кроме вышеуказанных, существуют и другие (более институционального характера) типы интерактов, такие как коммуникация в аудитории, интеракт в медицинской среде, в судах, в сфере сервиса и т.д.

Проведенное краткое исследование некоторых особых типов речевого взаимодействия позволяет выделить ряд критериев, которые могут послужить отправной базой для построения типологии интерактов. Исходя из данных анализа основными моментами этой базы являются:

1) Характер места (пространственно-временной кадр), общественное или частное место, предшествующее или последующее и т.д.

2) Число и особенности участников.

Количество интерактантов является определяющей характеристикой некоторых типов интерактов. Число участников может быть малым (разговор, беседа и т.п.) или значительным (разного рода церемонии, прием, коллоквиум, и т. п.), но оно должно рассматриваться в неразрывной связи со статусом участвующих и объемом передачи и приема информации. Конференция, к примеру, характеризуется наличием председательствующего и докладчиков, с доминирующих позиций осуществляющих регулируемую функцию и обращающихся к аудитории. Возможности же последней для вмешательства ограничены. В определенной степени аудиторию можно рассматривать как единого актанта, в результате чего получаем диаду коммуникативной схемы. С этой точки зрения конференцию можно противопоставить дебатам или дискуссиям, которые, как правило, характеризуются значительным количеством активных участников, институциональный кадр, по крайней мере, позволяет им быть таковыми.

Необходимо отметить, что чем больше число активных участников, тем сложнее функционирование интеракта, поскольку возрастают трудности в очередности взятия слова, структура интеракта. Реализация ролей присутствующих сторон, а также функционирование конверсационных максим. В последнем случае имеются в виду как максимы отношений, так и максимы количества, и о различные участники не разделяют одни и те же интересы или знания. Поэтому необходимы особые приемы и способы, когда рассказывается, например, история события, кому-то кто ее не знает, но в присутствии того, кто ее уже знает.

Некоторые типы интерактов характеризуются, помимо этого, более сложным, чем в ординарном разговоре механизмом обмена, продиктованным наличием, по крайней мере, двух уровней функционирования. Иллюстрация этому – дебаты на радио и телевидении. Первый уровень – дебатырующиеся сопresentствуют на площадке, разговаривают между собой, выполняя по очереди функции передающего и принимающего. Второй уровень – слушатели/ зрители (иногда их часть), которые слышат (и видят – в случае телепередачи) участников первого уровня, но не могут быть

ни увидены, ни услышаны последними и выполняют роль чистых принимающих, оставаясь в то же время основными адресатами.

Для типологии интерактов важно также учитывать физические параметры пространства коммуникации, находятся ли различные участники в одном и том же месте, имеют ли они возможность видеть друг друга и т. д. Важен также учет того, что называют «когнитивно-аффективными отношениями между участниками (знакомые / незнакомые, друзья/ враги и т. д.) а также ролей достающихся им.

Среди различных типов ролей следует различать:

- а) статус участника;
- б) прагматическую роль.

Понятие интерактивная роль, таким образом, вбирает в себя различные аспекты, которые позволяют (но каждый по-своему) противопоставлять симметрические интеракты диссимметрическим.

1) Цель интеракта. Этот критерий весьма важен для дифференциации коммуникативных обменов. Обычно противопоставляют финализированные интеракты нефинализированным. Однако предпочтительнее было бы говорить об интерактах с «внутренним финалом в противоположность таковым с «внешним» финалом. (С другой стороны, речь идет здесь о градуированном измерении, поскольку каждый тип интеракта располагается на оси, идущей от обменов самых «бескорыстных» до сделок мани-

фестированно «ориентированных»). Сюда входят: - разговор в чисто фатической функции (поддержание отношений); разговор со «ставкой» (успокоить, ободрить, убедить и т.л.), вступая при этом в дискуссию или в дебаты.

2) Интеракты, имеющие своей функцией получить (совет, справку, консультацию и т.п.), или дать (дидактические интеракты) информацию, какие-либо знания.

3) Обширная группа так называемых сервисных интерактов и разнообразных видов коммерческих сделок.

4) Характер интерактов с точки зрения их формализованности. Эта составная, как и предыдущие, является в равной степени градуированной и определяющей в типологии интеракта. В цепи их формализованностей возможно бинарное противопоставление обменов формальных (церемониальных) разговорным (фамильярным). Согласно М.Жоосу, на этой оси следует выделять пять уровней – интимный, фамильярный, консультативный, поддерживающий, торжественный» [12].

В заключение необходимо отметить, что исследуемые категории, как и всякие другие теоретические построения, носят в определенной мере абстрактный и «идеальный» характер, и потому они никогда не реализуются в чистом виде в эмпирической реальности. В этой связи можно сказать, типологическая дифференциация интерактов вполне возможна, но никогда не будет до конца исчерпывающей.

Литература

- 1 Shegloff C.A. a) Sequencing in Conversational Openings. *American Anthropologist*. –1968.
- б) Goffman E L'ordre de l'interaction. – Paris: Sociétés, 1987. – P. 14. 8-16;
- 2 Notes on a Conversational Practice. Formulating Place in Sudnow, 1972. – P. 61-97.
- 3 Andre-Larouchebouvvy D. La conversation quotidienne. – Paris: Didier Credif, 1984.
- 4 Якубинский Л.П. Язык и его функционирование. – М., 1986. – 207 с.
- 5 Sinclair A., Coulthard R.V. Towards and Analysis of Discourse. – The English used by teachers and pupils. – Oxford: Oxford Univ. Press. – P. 7-55.
- 6 Sacks H.,Schegloff E.,Jefferson G.A. Simples systematics for the organization of turn-taking in conversation. – Schekein, 1978. – P. 7-55.
- 7 Alber J-L. a) Interlangue et conversation exolingue.Cahier du departement des langues et des science du langage. – Université de Lausanne, 1985. – P. 30-47;
- б) Vers un model exolingue. De la communication interculturelle: interparole,cooperation et conversation, Etudes de la linguistique appliquée. – 1986. – P. 78-89.
- 8 Gulich E., Kotschi T. Les actes de reformulations dans la consultation. – Bange, 1987. – P. 15-81.
- 9 Gulich E. Soul n'est pas un mot français Procédés d'évaluation et de commentaires métadiscursifs dans un corpus de conversations en situations de contact. – DRLAV, 1986. – P. 34-35, 161-282.
- 10 Сулейменова Э.Д. .Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. – Алматы: Демей, 1986.
- 11 Di Pietro J.F. de Conversations exotiques.Une approche linguistique des interactions interculturelles, in Cosnier et al. – Paris, 1988. – P. 251-267.
- 12 Joos M. The Five Clocks. La Haye.Mouton. – 1962.

References

- 1 Shegloff C.A. a) Sequencing in Conversational Openings. *American Anthropologist*. –1968.
- b) Goffman E. L'ordre de l'interaction. – Paris: Sociétés, 1987. – P. 14. 8-16;
- 2 Notes on a Conversational Practice. Formulating Place in Sudnow, 1972. – P. 61-97.
- 3 Andre-Larouchebouvy D. *La conversation quotidienne*. – Paris: Didier Credif, 1984.
- 4 Yakubinskiy L.P. *Yazyk i ego funktsionirovanie*. – M., 1986. – 207 s.
- 5 Sinclair A., Coulthard R.V. *Towards and Analysis of Discourse*. – The English used by teachers and pupils. – Oxford: Oxford Univ. Press. – P. 7-55.
- 6 Sacks H., Schegloff E., Jefferson G.A. Simple systematics for the organization of turn-taking in conversation. – Schekein, 1978. – P. 7-55.
- 7 Alber J-L. a) *Interlangue et conversation exolingue*. Cahier du departement des langues et des science du langage. – Université de Lausanne, 1985. – P. 30-47;
- b) *Vers un model exolingue*. De la communication interculturelle: interparole, cooperation et conversation, *Etudes de la linguistique appliquée*. – 1986. – P. 78-89.
- 8 Gulich E., Kotschi T. *Les actes de reformulations dans la consultation*. – Bange, 1987. – P. 15-81.
- 9 Gulich E. *Soul n'est pas un mot français Procédés d'évaluation et de commentaires métadiscursifs dans un corpus de conversations en situations de contact*. – DRLAV, 1986. – P. 34-35, 161-282.
- 10 Suleymenova E.D. *Kazahskiy i russkiy yazyki: osnovy kontrastivnoy lingvistiki*. – Almaty: Demeu, 1986.
- 11 Di Pietro J.F. *de Conversations exotigues. Une approche linguistique des interactions interculturelles*, in Cosnier et al. – Paris, 1988. – P. 251-267.
- 12 Joos M. *The Five Clocks*. La Haye. Mouton. – 1962.